

© 2021 г.

С.И. ПОЛЯКОВ

## БОРЦОВСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В ДАГЕСТАНЕ КАК ЛОКАЛЬНАЯ ГЕГЕМОНИЯ

---

ПОЛЯКОВ Святослав Игоревич – научный сотрудник Центра молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия (spoliakov@hse.ru).

---

**Аннотация.** В статье представлен анализ воспроизводства гегемонной маскулинности в локальном контексте на примере маскулинности борцов вольного стиля в Республике Дагестан. Опираясь на материалы полуструктурированных глубинных биографических интервью с действующими и бывшими борцами, а также с молодыми дагестанскими мужчинами, не вовлеченными в борцовские практики, делается вывод, что культивируемая в этом виде спорта мужская субъектность воспроизводится как гегемония в контексте всего дагестанского общества. Это происходит за счет следующих институциональных и культурных механизмов: массовизация вольной борьбы, ее значение как кузницы кадров для политики, альянс борцовских сообществ с религиозными элитами, функция вольной борьбы как института поддержания власти и контроля старших над младшими в условиях разложения традиционного общества.

**Ключевые слова:** гегемонная маскулинность • Дагестан • вольная борьба • массовый спорт • власть старших

DOI: 10.31857/S013216250015531-7

**Постановка исследовательского вопроса.** Мальчики в Дагестане начинают тренироваться в школах и секциях вольной борьбы с 8–10 лет. Некоторые приходят в этот спорт под влиянием старших братьев, друзей по школе и двору, других приводят за руку отцы. Титулованные чемпионы престижных российских и европейских соревнований признавались, что в детстве не задумывались о борцовской карьере и увлекались менее воинственными видами спорта – футболом или волейболом, однако были *вынуждены* заняться борьбой.

В Дагестане вольная борьба воспринимается как привилегированный институт мужской социализации. Другие единоборства – греко-римская борьба, рукопашный бой, бокс, самбо или дзюдо – могут также рассматриваться как школы мужества, однако сильно уступают вольной борьбе по охвату и социальному престижу. Можно констатировать, что в контексте современного дагестанского общества борцы-вольники являются референтной группой, наиболее полно воплощающей локальный идеал доминирующей мужественности, который вслед за Коннелл [Connell, 2005] будем называть гегемонной маскулинностью.

В гендерных исследованиях [Messner, 1989; 1990; McKay et al., 2000; Connell, 2005; Wellard, 2009] сложился консенсус относительно того, что институционализированный соревновательный спорт в условиях повсеместного упадка ручного труда отвечает двум базовым запросам патриархата, способствуя установлению доминирования над женщинами и другими мужчинами. Во-первых, именно в спорте доминирование над женщинами натурализуется и соотносится с социальным распределением насилия через подавление, конструирование и преувеличение различий полов [Messner, 1989]. Во-вторых, в ходе занятий и состязаний устанавливаются иерархические отношения между мужчинами: наиболее успешные получают признание и авторитет, тогда как менее способные отсеиваются в жесткой конкуренции [Connell, 2005].

Как объясняет Коннелл [там же], гегемония возникает, когда существует соответствие между культурным идеалом и институциональной властью. Цель статьи – показать, как конкретная конфигурация социальных практик, организованная вокруг занятий борьбой и вовлеченности в борцовские сообщества, поддерживается и воспроизводится в контексте дагестанского общества в качестве наиболее приветствуемой и привилегированной формы мужской субъектности.

**Гегемонная маскулинность как концептуальная рамка.** Как известно, термин «гегемония» заимствован Р. Коннелл у А. Грамши, который с его помощью анализировал культурные механизмы легитимации господства буржуазии в капиталистическом обществе [Грамши, 1991]. Не останавливаясь на подробном рассмотрении концепции гегемонной маскулинности, вкратце обозначим ее узловые моменты.

Во-первых, согласно Коннелл [Connell, 2005], гегемонная маскулинность может мыслиться только в отношениях к артикулированной феминности и негегемонным версиям маскулинности. В легитимации этих отношений – подчинения, сообщничества, маргинализации – и заключается сущность гегемонии. Во-вторых, гегемонная маскулинность не может быть сведена к набору вневременных атрибутов [там же]. В каждый культурный период возмечивается одна форма маскулинности перед другой. Например, сегодня в глобальном масштабе доминирует транснациональная бизнес-маскулинность, которая институционально базируется на мультинациональной корпоративности и глобальном финансовом рынке [Connell, 1998: 3]. В-третьих, вслед за временной изменчивостью логичным шагом в развитии концептуальной рамки стало признание значимости пространственного контекста гендерных практик. Гегемония конструируется на локальном уровне, охватывающем итерации лицом к лицу внутри семей, организаций и immediate communities, на региональном уровне, в контексте нации-государства, и на глобальном уровне, в контексте международной политики, бизнеса и медиа [Connell, Messerschmidt, 2005]. Эти уровни связаны между собой: «Глобальные институты оказывают давление на региональные и местные гендерные порядки; в то время как региональные гендерные порядки предоставляют культурные материалы, принятые или переработанные на глобальных аренах, и обеспечивают модели мужественности, которые могут быть важны в местной гендерной динамике» [там же: 849].

**Методология сбора и анализа данных.** Эмпирический материал, на котором базируется статья, собран в ходе кейсового исследования борцовского милье в Махачкале в марте 2020 г. и июне 2021 г. В рамках кейса комбинировался метод полуструктурированного глубинного интервью с невключенными наблюдениями, а также неструктурированными беседами. Собеседниками выступили воспитанники детско-юношеских спортивных школ и частных секций, их родители и тренеры, действующие и бывшие профессиональные борцы, мужчины, которые продолжают заниматься вольной борьбой «для себя». Всего интервью и беседами было охвачено 45 информантов в возрасте от 12 до 55 лет. Поиск проводился в спортивных организациях (детско-юношеские спортивные школы, официальные и неофициальные секции борьбы), тематических сообществах борцов в социальных сетях. Также использовались личные сети исследователя, сформированные в ходе многократных исследовательских экспедиций в Дагестан в 2015–2017 гг., и рекрутирование методом «снежного кома».

Гайд интервью включал в себя вопросы о жизненной траектории и различных аспектах повседневной жизни информанта (тренировки, досуг, учеба, работа, семья), а также серию вопросов, позволяющих реконструировать представления об идеальной маскулинности (качества настоящего мужчины, приемлемое/неприемлемое поведение) и гендерном порядке в целом («мужские» и «женские» социальные позиции, распределение власти и ответственности между полами в обществе, семье, на рынке труда). Метод наблюдения использовался как для верификации тех сведений, которая была получена в коммуникации с информантами, так и для схватывания слабо рефлексированных и невербализованных аспектов социальной реальности. Наблюдения проводились в спортивных школах и секциях, частных залах, на городском публичном пляже Махачкалы, который в летнее время превращается в место массовых тренировок.

В качестве дополнительного источника использованы 10 полуструктурированных биографических интервью с молодыми мужчинами в возрасте от 17 до 25 лет, собранных в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) «Позитивные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» (РНФ) в 2016–2017 гг. в Махачкале. Среди информантов не было занимающихся вольной борьбой, они представляют внешнюю оценку позиции борцов в дагестанском обществе и взгляд со стороны на борцовскую маскулинность (в тексте обозначены – РНФ).

Анализ данных проводился в программе NVivo, метод анализа в общих чертах повторяет аналитическую логику обоснованной теории – от поиска тем и кодов низкого уровня абстракции через организацию их в категории до систематического связывания всех категорий с центральной категорией [Strauss, Corbin, 1997; Страусс, Корбин, 2001].

**Массовый спорт.** Доминирование вольной борьбы в региональном спортивном ландшафте стало результатом спортивной специализации республики, которая начала формироваться в 1960–1970-е гг. Победы дагестанских борцов С. Асиятилова, А. Алиева, З. Абдулбекова способствовали развитию вольной борьбы в республике одновременно как массового спорта и спорта высоких достижений. В этот период и последующие годы была создана разветвленная система массовой подготовки борцов-вольников, которая пережила распад Советского Союза и по сей день продолжает готовить большое количество спортсменов, которые на протяжении многих десятилетий добиваются впечатляющих результатов как внутри России, так и за ее пределами. Дагестанская школа вольной борьбы дала 19 олимпийских чемпионов и 49 чемпионов мира. Многие спортсмены из-за высокой внутренней конкуренции за место в национальной сборной выступают под флагами других государств, при этом продолжая жить и тренироваться в Дагестане. В России более 70% квалифицированных борцов являясь жителями или выходцами с Северного Кавказа, а среди элиты этот показатель еще выше, приближаясь к 100% [Брюсов, 2012а].

Статус Дагестана как родины чемпионов поддерживается постоянным притоком молодых людей в секции и школы спортивной борьбы. В 2010 г. в структуре детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ) и специализированных детско-юношеских (спортивных) школ олимпийского резерва (СДЮСШОР) Республики Дагестан тренировалось 29 769 борцов вольного стиля [Брюсов, 2012б]. Эта оценка не учитывает воспитанников многочисленных секций, организованных при школах, университетах и колледжах, а также многочисленные частные залы, открытые тренерами-энтузиастами и часто работающие без официального оформления. С 2010 по 2019 г. количество охваченных массовым спортом в республике выросло более чем в шесть раз, причем рост наблюдался во всех возрастных категориях и по всем видам спорта<sup>1</sup>. Это связано с масштабными финансовыми и инфраструктурными инвестициями в развитие физической культуры и спорта. При этом известно, что в силу сложившейся еще в советское время специализации региона поддержка и финансирование вольной борьбы как наиболее перспективного направления

<sup>1</sup> Сайт территориального органа государственной статистики по Республике Дагестан. 2021. URL: <https://dagstat.gks.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

подготовки шло в приоритетном порядке, тогда как другие направления финансировались по остаточному принципу.

Несмотря на наметившуюся в последние годы конкуренцию со стороны смешанных единоборств, интерес к вольной борьбе остается высоким, что, в частности, отмечают все тренеры: *«Ну, на тот момент очень много, наверное, детей было в зале, да и сейчас нас много. И сейчас у нас поток большой. У нас многие тренера не принимают. И закрывают прием, все равно через знакомых, через друзей, звонят, просят, чтобы взяли ребят. Потому что там очень большая массовость. Утром в 8:15 много начинает человек 120–130 может быть»* (№ 1, 32 г.)<sup>2</sup>.

Массовость интересна нам не столько как количественная категория, сколько как определенное состояние, при котором гомосоциальность, сформированная вокруг занятий вольной борьбой, обладает принудительной силой далеко за пределами спортивной среды, распространяясь на всю мужскую молодежь республики. Элементы этой принудительности мы можем видеть, например, в том, что решение заняться вольной борьбой часто осмысливается информантами как безальтернативный выбор, принимающий форму согласия с гендерной судьбой, который они маркируют фразами «а чем еще заниматься» и «ничего другого нет».

Полевые материалы также показывают, что практики, поведенческие коды и символы вольной борьбы тесно вплетены в повседневную жизнь дагестанских подростков и юношей, начиная от борцовских поединков на школьных переменах и заканчивая желанием копировать внешние атрибуты борцовской телесности: *«У меня в школе, в восьмой школе учился, там был парень, который себе ухо сломал специально. И причем знаешь, как его спалили, что он ухо сломал, не все спалили, что он специально. Ну, кто себе специально ухо ломает, да не скажет, что специально себе ухо сломал. Просто он его так себе сломал, что ха-ха просто»* (№ 2, 23 г., РФФ).

За счет механизмов гомосоциальности, работающих на приведение к норме и исключение ненормативного, композиция гендерных практик, которая сложилась внутри спортивной идеокультуры и составляет ядро борцовской маскулинности, приобретает всеобщее значение: *«Информант [отец одного из тренирующихся] рассказал, что в дагестанском обществе сформировалась массовая прослойка борцов, борцовский этос (он сказал “понятия”) превратился в общепринятую систему значений. Все понимают друг друга с полуслова и мгновенно считывают статус мужчины. Все знают, кто из борцов реальный чемпион, а кого просто продвинули влиятельные спонсоры или семья»* (запись дневника наблюдений, 07.06.2021).

**Борьба и политика.** Высокий престиж борцовской маскулинности поддерживается тем, что в глазах многих дагестанцев вольная борьба рассматривается как один из немногих действующих социальных лифтов: *«[Брат] меня всегда так сажал, мы всегда с ним беседы вели, он всегда со мной в психологическом плане разговаривал. Он мне говорил, смотри, говорит, если хочешь чего-то добиться, нужно тренироваться. Хочешь квартиру – тренируйся. Хочешь машину – тренируйся. Хочешь себе свадьбу сыграть, хочешь там как-то в люди выйти – тренируйся»* (№ 3, 30 л.).

Речь здесь идет не только о сугубо спортивной карьере. В силу сложившейся в Дагестане конфигурации отношений между спортом и властью победы на ковре часто становятся трамплином для карьеры в политике и силовых структурах [Колесник, 2018: 394]. Статус чемпиона в Дагестане открывает двери к престижным сферам занятости, которые ассоциируются с властью и силовым доминированием: бывших спортсменов избирают в депутаты, назначают на ответственные должности в государственном аппарате и региональных органах власти, приглашают на работу в полицию или ФСБ [Солоненко, 2012]: *«Спортсмены сейчас – это элита молодежи в Дагестане, в любом случае. Если ты спортсмен, у тебя дорога везде открыта. У нас щас у власти молодые депутаты и т.д., они все спортсмены, это как-то*

<sup>2</sup>Здесь и далее в скобках содержится порядковый номер и возраст информанта.

взаимосвязано может быть все-таки. Олимпийские чемпионы, для тебя любая дверь открыта. Ты можешь кем угодно стать, кем хочешь» (№ 4, 23 г., РНФ).

Формирование этой системы началось еще в советский период, когда успешные спортсмены часто становились депутатами, главами муниципальных образований и отделов в административных органах власти [там же]. Спортивные залы были и продолжают оставаться важным площадками для формирования неформальных альянсов, которые играют важную роль в функционировании властных институтов в этом регионе [Колесник, 2018: 402]. В 1990-е гг. ослабление государства запустило процесс формирования новых элит, и борцовские сообщества использовали имеющееся у них силовое и организационное влияние для активного проникновения в структуры политической и экономической власти, а также в силовые структуры [Солоненко, 2012]. С приходом к власти В.В. Путина рекрутирование спортсменов в политическую элиту стало федеральным трендом, определяющим взаимоотношения власти и спорта в России [Vladimirova, 2020]. Так, в Госдуме VII созыва заседают 17 бывших спортсменов, среди которых два борца вольного стиля – троекратный олимпийский чемпион Б. Сайтиев (Дагестан) и А. Таймазов (Северная Осетия).

Очевидно, существует связь между этими практиками и той политической культурой, которая сформировалась в республике под давлением центральных государственных институтов и характеризуется исключительной ролью силового фактора в политической и экономической жизни [Сокирянская, 2019]. В этих условиях имеется постоянный спрос на услуги квазипрофессиональных групп, основным ресурсом которых выступает реальное или потенциальное насилие. Борцовские сообщества являются, пожалуй, наиболее массовой, сплоченной и укорененной из таких групп в Дагестане. Кроме того, силовой ресурс, которым они располагают, обладает высокой символической ценностью, так как борцы отстаивают честь Дагестана и России на международной спортивной арене. Это важно подчеркнуть, поскольку существует отчуждение правящего слоя от остального населения, политическое руководство республики, состоящее из назначенцев федерального центра, рассматривается многими дагестанцами как внешнее управление, безразличное к местным интересам. Рекрутинг борцов в политическую элиту является инструментом легитимации последней.

**Религиозность.** Как и многие другие социальные институты, дагестанский спорт в постсоветский период прошел через интенсивную исламизацию. Массовый уход спортивной молодежи в ислам в начале 2000-х гг. поощряется, а иногда и напрямую инициируется исламскими организациями и движениями, такими как Духовное управление мусульман Дагестана. Обладая политическими амбициями они пытаются заручиться силовой и репутационной поддержкой спортивных сообществ [Территория..., 2020].

Наиболее очевидным следствием альянса религии и спорта стала исламизация публичного имиджа дагестанского мужчины-спортсмена, которому помимо выдающихся физических данных стали вменяться в обязанность демонстративная набожность, посещение мечети и соблюдение мусульманского дресс-кода. От информантов часто можно услышать, что «крепкий иман (вера) создает сильное тело». Наряду с мечетью, спортзал является пространством, в котором религиозный опыт становится разделяемым. В нем обязательно есть молельная комната и помещение для молитвенного омовения. Многие информанты в своих интервью наряду со спортивными победами подчеркивают свою религиозную образованность: «Информант: А я Коран давно закончил. Я наизусть Коран знаю. – Интервьюер: Да, серьезно? – Информант: Знаю. – Интервьюер: И где ты его учил? – Информант: У меня хороший учитель есть, он 10 лет в Египте жил и там учил Коран. Хороший человек, религиозный» (№ 5, 14 л.).

Религия может выполнять функцию идеологии, которая легитимирует доминантную позицию, достигнутую путем эффективной утилизации насилия. Анализируя противоречивую связь насилия и гегемонии, Коннелл пишет, что насилие является частью системы господства, но в то же время оно является мерой ее несовершенства [Connell, 2005]. У тщательно скрытой иерархии было бы меньше необходимости запугивать.

В исламизированном дагестанском обществе позиция последовательно соблюдающего религию, по крайней мере, частично снимает проблему моральной шаткости права сильного. При этом религиозная образованность дает борцам основание выступать в альянсе с религиозными элитами если не в лидирующей роли, то по крайней мере в качестве равноправного партнера. Эта претензия, в частности, выражается в том, что известные борцы (и представители других единоборств) часто стремятся выступать в роли моральных авторитетов и одновременно защитников морального порядка, публично – через социальные сети и средства массовой информации – призывая бороться с проявлениями «разврата» и «порока», а также оказывая силовое воздействие на тех, кого считают носителями и пропагандистами аморального образа жизни и чуждых ценностей: *«Я даже скажу больше: у них была группа в Ватсапе. Я помню, там все спортсмены сидели, которые за нравственность в Дагестане. Они этих ловили всяких певцов, которые всякий разврат вносят, по их мнению, ну действительно, кого они ловили, те разврат вносили, но они ловили, типа, еще раз будешь выступать, мы тебе по башке надаем, и эти успокаивались»* (№ 6, 27 л., РНФ).

**Власть старших.** Биографические кейсы, в которых основным мотивом посещения тренировок выступает воля отца или другого старшего родственника (дяди, старшего брата), демонстрирует еще один важный момент: спортивная социализация мыслится как предпочитаемая для мальчиков и подростков, поскольку наряду с умением быть мужчиной прививает социально одобряемые представления о возрастной иерархии и поддерживает вне домашнего пространства социальный контроль старших над младшими.

Социальное значение этой функции вольной борьбы становится понятной из анализа трансформаций, затронувших дагестанское общество в последние тридцать лет. Демонтаж социалистического строя и планового управления здесь протекал синхронно с урбанизацией сельской периферии, которая в советское время сохраняла многие элементы традиционного уклада жизни, основанные на обычном праве [Бобровников, 2001; Лыткина, 2010]. В постсоветский период развал предприятий и сложная криминогенная ситуация спровоцировали отток городского населения за пределы республики и массовое переселение горцев в города, главным образом в Махачкалу [Стародубровская и др., 2011]. Урбанизация размывает основы традиционной власти старших над младшими, поскольку в условиях городской анонимности «традиционный сельский контроль со стороны семьи и общины действовать уже не в состоянии» [Стародубровская, Казенин, 2014: 71]. Утрата контроля артикулируется в опасениях, что предоставленный сам себе подросток вовлекается в высокорисковые сценарии уличной маскулинности, реализация которых сопряжена с насилием, криминалом, употреблением алкоголя и запрещенных психотропных веществ. В этом контексте занятия вольной борьбой функциональны с точки зрения превентивной изоляции подростка от компаний и ситуаций, в которых эти сценарии могут быть реализованы. Интенсивный график тренировок (дважды в день по будням) не оставляет спортсменам свободного времени, на которое может претендовать «улица»: *«У нас так принято в Дагестане. Здесь народ строго воспитывает. С детства, с шести лет кроме борьбы ничего не знаем. Ничего лишнего»* (№ 7, 17 л.).

Миграция в города трансформирует традиционные паттерны маскулинности. В условиях города роль кормильца реализуется за пределами дома, что обуславливает отчуждение мужчины от домашнего хозяйства [Лыткина, 2013]. В то же время сельские женщины, как правило, не стремятся выходить на городской рынок труда, продолжая заниматься ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей [Лыткина, 2010]. Вынужденная феминизация домашней сферы может вызывать моральные паники относительно того, что без отцовского контроля мальчики целиком подпадают под влияние матери, вследствие чего происходит сбой в их гендерной социализации. Это обуславливает востребованность борцовских секций как гомосоциальных сообществ, обеспечивающих, по крайней мере, частичную изоляцию подрастающих мужчин от женского влияния и корректировку их гендерной «программы»: *«Ну допустим он приходит на тренировку и по мальчику видно бывает, что он холенький..., что он, как сказать, улицей не запачкан. Он не битый*



пацан. Ты же понимаешь, о чем я говорю. Мальчик должен быть битым таким, да. Зубастым. Не зубастый вообще мальчик. Видно, что он в таком вот женском коллективчике вырос, и из него пытаются мужика сделать. Вот. Закидывают. И при первом же столкновении, общении он понимает, в какую среду он попал. Он понимает, вообще, стоит ли оставаться, стоит ли входить в эту братскую семью, скажем так, борцовскую. И он для себя какие-то выводы делает. И если он проходит вторую, третью тренировку, он в принципе понимает, что ребята-то хорошие. Ребята спортсмены, они здоровые, но они реально из меня хотят что-то сделать» (№ 8, 42 г.).

В борцовских нарративах подчеркивается семейный характер борцовской гомосоциальности. Часто можно услышать, что все борцы, особенно те, которые тренируются в одной школе или секции, друг другу «как братья», а «тренер как отец». Делегирование отцовской роли даже может оформляться с помощью вербального ритуала: «Некоторые приходят, это твой сын говорят, делай с ним все, что хочешь» (№ 8, 30 л.). В частности, это подразумевает, что тренер в рамках тренировочного процесса получает безусловное право требовать от учеников абсолютного послушания и применять по отношению к ним телесные наказания. Также признается, что в пространстве спортивного зала слово тренера обладает приоритетом над словом матери. «Родители, одна пришла ко мне, возмущалась женщина: “О, за что вы его отшлепали?” У меня такая палочка была. “За что вы его”, а там родительницы сидели тоже. Я говорю, если вам не нравится, возьмите своего мальчика, говорю, и держите дома, говорю, под своей юбочкой, говорю» (№ 8, 29 л.).

Борцовское сообщество рассматривается как идеальная, не испорченная последствиями урбанизации и модернизации семья, в которой осуществляется трансмиссия и усвоение центральной для традиционной маскулинности роли главы семьи, доминирующего над женщинами и младшими членами. Таким образом, занятия вольной борьбой работают на поддержание (или ренновацию) двух базовых опор традиционного гендерного порядка – власти мужчин над женщинами и старших над младшими. Символически маскулинность, которая опирается на эти опоры, противопоставит как маргинализованной уличной маскулинности, так и подчиненной феминизированной маскулинности.

**Некоторые выводы.** Возвращаясь к исследовательскому вопросу, мы можем вкратце обозначить те институциональные и культурные механизмы, которые придают борцовской маскулинности характер гегемонии. Во-первых, беспрецедентная массовизация вольной борьбы и утверждение ее в качестве национального вида спорта для народов Дагестана ведет к обобществлению идеала мужественности и связанных с ним практик. Во-вторых, благодаря регулярному рекрутингу борцов в политическую элиту борцовская маскулинность ассоциируется с социальным престижем, властью и успехом. В-третьих, альянс борцов с религиозными элитами обеспечивает этому варианту мужской субъектности идеологическую легитимацию в контексте исламизированного общества. Наконец, борьба оказывается востребованной в условиях разложения традиционного общества в результате урбанизации как институт поддержания власти старших мужчин над младшими.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобровников В.О. Иерархия и власть в горной дагестанской общине // Расы и народы. Вып. 26. М.: Наука, 2001. С. 96–107.
- Брюсов Г.П. Модель деятельности спортивной федерации по развитию вида спорта в современных социально-экономических условиях (на примере Федерации спортивной борьбы России). Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012а.
- Брюсов Г.П. Сравнительный анализ состояния вольной борьбы в Северо-Кавказском федеральном округе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2012б. № 4. С. 12–15.
- Грамши А. Тюремные тетради: В 4 ч. Ч. 1. М.: Полит. лит-ра, 1991.
- Колесник Н.В. «О спорт, ты мир»: о взаимодействии власти и спорта в российских регионах // Власть и элиты. 2018. № 5. С. 387–417. DOI: 10.31119/pe.2018.5.14.
- Лыткина Т.С. Трансформация гендерного порядка: от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа Северного Кавказа // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 96–125.

- Лыткина Т.С. Трансформация традиционной маскулинности на современном Северном Кавказе // Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке / Под ред. И.Н. Тартаковской. М.: Звенья, 2013. С. 235–249.
- Солоненко М.В. Борцы за власть: спортивные сообщества и их роль в политической жизни Дагестана // Общество как объект и субъект власти: Очерки политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 91–110.
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 70–82.
- Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В., Интигринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Дело, 2011.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Территория поломанных ушей: Почему в Дагестане так популярна вольная борьба // Заповедник. 2020. 27 февраля. URL: <https://zapovednik.space/material/territoriya-polomannyh-ushej> (дата обращения: 27.08.2021).
- Connell R.W. *Masculinities*. 2<sup>nd</sup> ed. Berkeley; Los Angeles: California University Press, 2005.
- Connell R.W. *Masculinities and Globalization // Men and Masculinities*. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 3–23. DOI: 10.1177/1097184X98001001001.
- Connell R.W., Messerschmidt J.W. *Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept // Gender & Society*. 2005. Vol. 19. No. 6. P. 829–859. DOI: 10.1177/0891243205278639.
- McKay J., Messner M.A., Sabo D. (eds) *Masculinities, Gender Relations, and Sport*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publications, 2000.
- Messner M.A. *Masculinities and Athletic Careers // Gender & Society*. 1989. Vol. 3. No. 1. P. 71–88. DOI: 10.1177/089124389003001005.
- Messner M.A. *When Bodies are Weapons: Masculinity and Violence in Sport // International Review for the Sociology of Sport*. 1990. Vol. 25. No. 3. P. 203–220. DOI: 10.1177/101269029002500303.
- Strauss A., Corbin J. (eds) *Grounded Theory in Practice*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
- Vladimirova A. *Sport as a part of the state propaganda system in Russia / Reuters Institute Fellowship Paper; University of Oxford*. Oxford, 2020. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2020-05/Sportspropaganda.Final-%20Alexandra%20Vladimirova.docx%20%281%29.pdf> (дата обращения: 27.08.2021).
- Wellard I. *Sport, Masculinities and the Body*. London: Routledge, 2009.

Статья поступила: 08.06.21. Принята к публикации: 17.08.21.

## WRESTLER'S MASCULINITY IN DAGESTAN AS A LOCAL HEGEMONY

POLIAKOV S.I.

*National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Russia*

*Sviatoslav I. POLIAKOV, Research Fellow, Centre for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics, St.-Petersburg, Russia (spoliakov@hse.ru).*

**Acknowledgements.** The reported study was funded by RFBR, project No. 19-311-90056.

**Abstract.** The article analyzes the reproduction of hegemonic masculinity in the local context, using the example of masculinity of freestyle wrestlers in the Republic of Dagestan, a multinational subject of the Russian Federation dominated by the Muslim population. Based on 20 semi-structured in-depth biographical interviews with current and former wrestlers, as well as interviews with 15 young Dagestani men not involved in wrestling practices, I discover four key mechanisms of support for hegemonic masculinity. The functioning of wrestling as a mass sport in Dagestan, due to the sport specialization of the republic, leads to the generalization of the ideal of masculinity and related practices. Regular recruitment of wrestlers into the political elite thus solving the issue of its own legitimacy in the eyes of the local population, supports the associations of this variant of male subjectivity with social prestige, power and success. The wrestlers' alliance with religious (Islamic) elites provides their masculinity with ideological legitimation. The transition from traditional to modern society due to late urbanization generates mass frustration regarding men's loss of control over the domestic sphere and the upbringing of their sons fraught with a crisis of reproduction of proper masculinity. In this context, freestyle wrestling sections function as an institution for maintaining the power of older men over younger ones.

**Keywords:** hegemonic masculinity, Dagestan, freestyle wrestling, mass sports, power of Elders.



## REFERENCES

- Bobrovnikov V.O. (2001) Hierarchy and Power in the Mountain Dagestan Community. In: *Races and Peoples*. Iss. 26. Moscow: Nauka: 96–107. (In Russ.)
- Brusov G.P. (2012b) Comparative Analysis of Free-style Wrestling Condition in the North-Caucases Federal Region. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 4: 12–15. (In Russ.)
- Brusov G.P. (2012a) *Model of Sports Federation Activity on Development of Sport in Modern Social and Economic Conditions (the Case of Russian Wrestling Federation)*. Cand. Sci. (Pedagog.) Dissertation. St. Petersburg. (In Russ.)
- Connell R.W. (1998) Masculinities and Globalization. *Men and Masculinities*. Vol. 1. No. 1: 3–23. DOI: 10.1177/1097184X98001001001.
- Connell R.W. (2005) *Masculinities*. 2<sup>nd</sup> ed. Berkley; Los Angeles: California Univ. Press.
- Connell R.W., Messerschmidt, J.W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*. Vol. 19. No. 6: 829–859. DOI: 10.1177/0891243205278639.
- Gramsci A. (1991) *Prison Notebooks*: In 4 parts. Part 1. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
- Kolesnik N. (2018) "Oh Sport, You are the World": On the Interaction of Power and Sport in the Russian Regions. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. No. 5: 387–417. DOI: 10.31119/pe.2018.5.14. (In Russ.)
- Lytkina T. (2010) Transforming the Gender Regime: An Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 2. No. 3: 96–125. (In Russ.)
- Lytkina T.S. (2013) Transformation of Traditional Masculinity in the Modern North Caucasus. In: Tartakovskaya I.N. (ed.) *Ways to Be a Man: Transformations of Masculinity in the 21<sup>st</sup> Century*. Moscow: Zven'ya: 235–249. (In Russ.)
- McKay J., Messner M.A., Sabo D. (eds) (2000) *Masculinities, Gender Relations, and Sport*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publications.
- Messner M.A. (1989) Masculinities and Athletic Careers. *Gender & Society*. Vol. 3. No. 1: 71–88. DOI: 10.1177/089124389003001005.
- Messner M.A. (1990) When Bodies are Weapons: Masculinity and Violence in Sport. *International Review for the Sociology of Sport*. Vol. 25. No. 3: 203–220. DOI: 10.1177/101269029002500303.
- Solonenko M. (2012) Wrestlers for Power: Sports Communities and their Role in the Political Life of Dagestan. In: Karpov Y. (ed.) *Society as the Subject and the Agent of Power: Essays on the Political Anthropology of the Caucasus*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie: 91–110. (In Russ.)
- Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I. (2014) North Caucasian City: Territory of Conflicts. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6: 70–82. (In Russ.)
- Starodubrovskaya I.V., Zubarevich N.V., Sokolov D.V., Intigrinova T.P., Mironova N.I., Magomedov G.Kh. (2011) *The Northern Caucasus: A Modernization Challenge*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (2001) *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (eds) (1997) *Grounded Theory in Practice*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Territory of Broken Ears: Why Freestyle Wrestling is So Popular in Dagestan. (2020) *Zapovednik* [Nature Reserve]. February 27. URL: <https://zapovednik.space/material/territoriya-polomannyh-ushej> (accessed 28.08.2021).
- Vladimirova A. (2020) *Sport as a Part of the State Propaganda System in Russia*. Reuters Institute Fellowship Paper; University of Oxford. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2020-05/Sportspropaganda.Final-%20Alexandra%20Vladimirova.docx%20%281%29.pdf> (accessed 27.08.2021).
- Wellard I. (2009) *Sport, Masculinities and the Body*. London: Routledge.

Received: 08.06.21. Accepted: 17.08.21.